

Рыбаки

1. Плещеево озеро

В 19-ти верстах от станции Берендеево, по Ярославской ж. д., среди холмистых берегов, лежит Плещеево озеро, самый крупный водоём средней России. Длина его 9,5 кил. и максимальная ширина 6,5 кил., площадь равна 49,38 кв. килом., или 4527 десятин. Это озеро наполняется главным образом из реки Трубежа, а Трубеж вытекает из умершего озера — Берендеева болота, где родилась сказка о «Берендеевом царстве». Теперь в Берендеевом царстве не сказка, а дело: там торф добывают, а сказка у нас тут, на Плещеевом озере. Чего-чего не услышишь.

с. 1204

Вот Александрова гора: там было языческое капище (славянско-финское), о котором можно догадаться из сохранившегося народного названия горы — «Ярилова плешь». Потом был тут и древний город Клещин, остатки вала, городского укрепления и теперь можно видеть, — тогда и озеро звалось Клещиным (клескать — плескать). В 1152-м году князь Юрий Долгорукий перенёс Клещин город с горы на берега реки Трубежа, при впадении в озеро — так образовался г. Переславль-Залесский.

Под Александровой горой лежит огромный камень, о нём много чудесного рассказывают; так: будто на этом камне стояла каменная баба, и то ли камень сюда перешёл из Берендеева болота, то ли баба перешла, — разное рассказывают.

И ещё всюду можно слышать, будто давно — «И дед мой не видел» — по посеянным полям вскачь проехал всадник, его баба ругать попросту, по-бабьи, а то оказался царь Пётр I. Изумился он водной широте, остался здесь и велел себе строить дворец. Потом сам строил под руководством «немцев» корабли. Теперь Плещеево озеро известно в истории под названием «Колыбели русского флота», а на месте дворца Петра стоит музей, где хранится бот его работы — «Яхта Фортуна» и вся усадьба называется «Ботик».

Да, много всякого сказа услышишь на берегах Плещеева озера, только одного не услышишь, что занимает меня больше всего и что есть факт, а как вдуматься, волшебнее сказки: там и тут на берегах озера открыты в последнее время стоянки первобытного человека и с большой уверенностью можно сказать, что в скором времени берега озера будут считаться сплошь неолитическими стоянками.

2. На озере

Рыбная слобода — та же Венеция, только в ней в дожди грязь непролазная. У берегов Трубежа тесно слепились домики рыбаков, около домов — сети, лодки и другие принадлежности лова.

Знаменитую переславскую сельдь рыбаки ловят оригинальными сетями, называемыми «выпорками». Выпорок представляет собою тонкое сетное полотно с ячейёй в 31 мм, высотой около 2 метров и длиной 14—16 метров. С вечера устанавливают «стену» из 72-х выпорков, а поутру выбирают снасть.

Переславская сельдь носит только название сельди, а на самом деле это глубоководная рыба — ряпушка (из породы сигов).

У выезда в озеро стоят старые вётлы, где собираются рыбаки погоду поглядеть, определить ветер и тут же решают — ехать или нет. Сегодня решили ехать.

Василий пришёл домой поздно, а ещё нужно собрать выпорки и снести в лодку.

— Борька, перечесал выпорки?

— Чесал, тятенька.

— Ну, на, — купи полфунта семячков.

Укладывая снасть в лодку, Василий говорил:

— С ночёвкой поеду.

— Приезжал бы домой, Василий, чего мёрзнуть на озере, — просила жена.

— Далече поедем, зázеро, куда ж там вертаться.

У выезда в озеро, у вётл, где жил товарищ Василия, собралось много лодок, — еле пристал. Алексей, товарищ, забежал к старику-отцу посоветоваться.

— Батя?

— Что, родимый?

— Спина тьяпает?

— Тьяпает, тьяпает.

С улицы Василий крикнул:

— Лексей. Ты, что ж там, али с бабой валандаешься? Неси снасть-то.

— Сейчас; батя!

— Что, родимый?

— Песочек плавает у берега.

— К ненастью. Будет дождь.

Выехали из реки, ветерок в зázерную сторону дыханул. Парус поставили — чёрным клином закрыл солнце.

— Повадно!

Озеро ещё не успело взволноваться, только морщится, местами спокойное — затиши.

— Сейчас озеро спокойное, доброе, лежит в оторочке лесной, морщится слегка, озеро сейчас доброе. Красна погодка. А в осень, страсть! Зелёное станет, там и чернь вороновую перейдёт, злое, страсть! Лёд намерзает такой тонкий, стеклянистый — салом мы его зовём; сгоняет его пасмо за пасмом,¹ на зыбь попадешь — у лодки днище прорежет, они у нас тонкие, долблёные.

— Василий, глянь на подсолнышко.

— Здорово брызжется.

Я посмотрел на солнечное отражение в воде — золотую дорожку, — сельдь так и выскакивает искристыми косячками.

— Она по зорькам гулять выходит, в день да ночь на глуби держится.

— Теперь вымятывай не вымятывай, всё равно не попадётся, потому час такой, дано ей в лето несколько зорек — брызжется, гуляет, а в снасть не попадает.

Выметали стену поздно, уже солнце село за лесом и ветерок сдал. Поехали ночевать на берег, развели костёр — уху стали варить.

— Ночь какая звёздная, месяца нет — глухая морокина.

— Да, вот в такую-то ночь, в глухую морокину, ехали мы из зázерья домой. Погодка не запоила, зло рвала. Ну, вот, слышим — поросёнок вроде как хрюкает, али бухало какое. Знамо дело, нужно посмотреть. Парус сняли, на вяслах туда подплюхались, глядим: — лодка небольшая, в лодке пьяный мужик, с фабрики, — потом узнали, — за упруги ухватился и орёт: — «Боюсь». — Ты чего вирёжишь? — спрашиваем. — «Матвей утоп. Лодку ветром преклонило к воде, воды клениной² хлебнуло, он с копылков и в воду скovyрнулся». Ну, мы потом шарили, шарили вяслами. Нет, видно, в траву-кутаз завязело.

— А частенько у вас рыбаки тонут?

— Что ты, брат! Мы такого случая и не запомним. Тонут городные, фабричные: напьются до шутиков в глазах, ну, и лезут на погибель свою. Нам озеро родное, природное, сызмальства ездим, озеро нас не берёт, родное оно нам.

Костёр догорел, уху съели, спать в лодки пошли. На озере сладко спится, ночь тёмная, морокина...

Зябко. Проснулся Василий, без часов узнал — скоро рассвет, — на востоке созвездие «Сажень» возшло, за «Сажнем» «Утренняя зарница», а там и отбель зорная покажется на востоке.

¹Пасмо — маленькое ледяное поле.

²Кленина — обшивка долблёной основы лодки.

Как небо чёрное отбелю посерело и краснота румянцем разлилась, — на другой стороне дворец «Ботика» показался. Василий стал будить Алексея.

Он поднялся, глаза и нос смочил озёрной водой. Глянул на зорю, понюхал воздух, сказал:

— Повадно зорится. Красно!

— Выбирать едем, валы не ходят, озеро люльку покачивает — зыбется, поплёскивает.

Покуда по звенящему утру вынимали снасть, ветер к городу отдался и, свистя, задул через всё озеро, сквозняком. Валы заходили большие, гребешки стали кудряво заворачиваться, — погода! Подались к берегу, и по мелкому, в полтора аршина месту, стали ехать в «попирку», то есть подпираясь о дно веслом, что по-другому называется «тыковну кашу есть».

— Против ветра на вяслах не взъедешь — валы не дают, а в попирочку ничего, хоть и трудно, а подвигаемся.

Непривычный человек и пяти минут не «протыкается», и не прогребет рыбацким способом — без уключин гребут, на руках.

Попираясь в песчаное дно веслом, Василий рассказывал:

— Бывало, озеро наше знали, что бабу свою — хороши старики были!

— И чудак, небось?

— Чудесные старики были. Вот, к примеру, дед Егор Волков, мягкой старичок был. Бывало, как прилетят весной чайки, старик себе места не находит, всё ходит да любитесь ими: «Чаечки, чаечки, — свежинки пушистые, снежок тает, а чаечки нет». Так ходит и любитесь ими, а когда станет выпорки уклеечные уставлять, ловится в них такая рыбка маленькая, уклеи мы её зовём, тут чайки налетят, сверху хлоп, хлоп, на запутавшуюся в выпорок рыбу, уцепится клювом, лапами дерёт, крыльями махает, — у ней вся снасть работает, старик и начнёт ругаться: — «Это не чаечки, а крокодилы какие-то».

с. 1205

3. С уловцем не грех и выпить

Рыбака встречает сынишка, дожидаясь у реки Трубежа.

— Сбегай за мамкой.

— Сейчас, тятенька.

Приходит жена рыбака, берут носилки с выпорками и несут на двор. На дворе начинают развешивать для просушки. Работа всем найдётся, выходит и бабка, и маленькая девочка. Перебрать выпорки не так-то легко. Рыбу «вырешивают» (вынимают) в «вирушки» — одноручные маленькие корзинки, потом пересыпают в большую бельевую и несут в амбар рыбацкой артели «Красный рыбак» сдавать. Потом пить чай в город, — людей повидать, поговорить.

В Переславль-Залесских торговых рядах есть небольшая вывеска, написанная красными буквами — «Красный рыбак». Два члена правления, оба — Александр Иванович и приказчик, бойко торгуют — день базарный.

— Скоро рыбаки придут?

— Сию минутку. Их дело уже на исходе. С озера приехали, рыбу вырешили из выпорков, теперь придут чай пить к Листриновичу. Да глянь-ко-ся, вон Василий Фёдоров.

Он вошёл, гремя тяжёлыми сапогами.

— Здравствуйте.

— С уловцем тебя, Василий Фёдорович.

— Спасибо, да смотри, не сглазь.

— Что, ай весёленькой кривоходки хватить хочешь?

— Да разве малость, для увеселения.

— Ну, пойдём, что ли, за компанию.

День базарный, торгуют всюю. Толпа шумит, как вода под ветром с севера. Рыбак Василий Фёдорович, увидев рыжую бороду Ивана Петровича, заорал на весь базар, покрывая писклявые голоса торговков:

— Эй, сват Иван!

С другого конца базара:

— Ну, чего?

— Подожди — кричат тебе!

И потихоньку добавил:

— Во, рыжий чёрт, глушня толстоухая.

— Здравствуй, Василий Фёдоров, с уловцем тебя,

- Спасибо, спасибо. Да ты как узнал?
- Голоштанники оповестили, ведь восьмеро их у меня.
- Ну, пойдём, хватим горшочек.
- Да спасибо, пожалуй, можно.

Пошли в трактир, где, вот как себя помнит Василий, был и есть до сих пор косоглазый, чёрный, с большой сединой с волосах хозяин.

— Живуч ведь попрыгунчик кособокий! Все трактирщики за революцию разорились, кто и в тюрьму сел, а он продышал.

— Да-с, на удивление благородной публики выжил этот элемент. Даже сногшибательно всё выше сказанное, — махнув вилкой с колбасой, сказал Захар Иванович с почты.

Пружинной походкой, приволакивая правую ногу, хозяин подлетел:

— Три пары-с?

— Четыре.

— Хорошо-с. Сию минутку.

И ногами дрыг, дрыг в кухню.

— Машка, живо четыре пары.

Дрыг, дрыг, — и у стола.

— Ситного-с? Четыре фунта? Сию минутку-с.

Из Госспирта прибежал весёленький рыбачок.

— Полбутылок нет, купил цельную.

За кухней чуланчик с замазанным мелом окном, видно, в нём частенько выпивают, на полу бутылки, разбитые чашки. Василий Фёдорович налил всем по очереди, выпили, сморкаясь в кулаки, и вытирая бороды.

— Фартисто!

— Ну, Алексей, на водочку селёдочку, а на селёдочку стаканчик чайку?

— С уловцем, Василий, не грех и выпить.

4. Как бы тут делу помочь?

Давно ли я, практикант музея, тут в слободе, а уж рыбаки всюду — и в слободе, и на базаре, и в трактире встречают меня, как родного.

Хороший народ!

А у меня от этого на сердце скребет. Они надеются, что я, как разузнаю их жизнь, так и помогу им. Вот и думаю я, как бы тут делу помочь?

Ведь рыбаки давно ловят на Плещеевом озере. Может, предки теперешних рыбаков ловили ещё тогда, когда озеро звалось Клешиным? А с XIV пока в местном музее имеются документы, что Переславские «рыбные ловцы» представляли на стол московских великих князей и царей местную «паровую» (копчёную) сельдь.

За последнее время замечается уменьшение числа рыбаков. Так: в XIX веке рыбаков было 120 ч., в 1924 г. — 90 и в 1925 г. — 50 человек. Наконец, чрезмерно большая арендная плата 1925 года заставляет рыбаков разбегаться на фабрики и к началу 1926 года, по словам рыбаков, останется только 32 человека, едущих на озеро. Такому быстрому уменьшению рыбаков в значительной мере способствует и отношение к ним, как к арендаторам, каким-то злостным эксплуататорам. Правда, они арендаторы, но арендаторы чего? — озера, заменяющего им землю, которой они не имеют. Труд рыбака очень велик, не легче крестьянского и гораздо рискованнее, и не мешало бы этих тружеников-пролетариев приравнять к крестьянству.

Изучающего промыслы рыбака поражает малый процент молодёжи, участвующей в ловле. Они стараются уже бросить свой коренной промысел и уходят на фабрику.

Если так будет идти и дальше, то безусловно переславский рыбак выродится в фабричного рабочего, и вековой опыт погибнет с последним стариком.

Лев Катанский.